

В. П. Мещеряков,
ученый секретарь
Пушкинского Дома (ИРЛИ АН СССР)

Потаенные литературные портреты А. С. Грибоедова

Грибоедов — писатель хрестоматийный в буквальном смысле этого слова. В России трудно найти человека, который, даже ухитрившись не прочесть «Горе от ума», не пользовался бы в разговоре грибоедовскими афоризмами.

Но история словно вознаграждает себя за расточительность: сделав комедию всеобщим достоянием, она утаила от нас многие подробности жизни Грибоедова. Причин тому несколько. Грибоедов-дипломат вел существование походное и не обременял себя архивами. А сколько разных документов и писем Грибоедова и к нему погибло после 14 декабря 1825 года! И можно лишь строить догадки о том, что утратила русская литература и история после тегеранской катастрофы.

Кое-что, конечно, было сохранено друзьями и близкими Грибоедова. К сожалению, гораздо меньше, чем хотелось бы литературоведам. Разумеется, так бывает почти всегда, но грибоедовскому наследию особенно не повезло.

И все же странно. Неужели журналы и газеты начала XIX века, запечатлевшие столь-

ко мелких литературных споров, столько фигур писателей, порою просто бесталанных, не сохранили для потомства какие-то живые черты «умнейшего человека в России», как называл Грибоедова Пушкин? Неужели современники не видели, с кем имеют дело?

Разумеется, друзья и знакомые Грибоедова писали о нем в мемуарах, однако в их записках немало белых пятен. Многие пункты в жизнеописании драматурга до сих пор остаются незаполненными...

Пробелы в трудах и днях Грибоедова иногда удается заполнить, только при этом многие факты нуждаются в расшифровке, как зафиксированная, но не проявленная фотопленка.

Отрок-мудрец

Шел 1817 год. Юный Грибоедов всего лишь два года как расстался с Иркутским гусарским полком, в который он вступил добровольцем в 1812 году, прямо с университетской скамьи, и поселился в Петербурге. Он много читал,

сам пробовал писать, не чуждался и светских развлечений. На «чердаке» А. А. Шаховского, как не без доли кокетства называл князь-драматург, первый комедиограф тех лет, свой салон, завел Грибоедов первые литературные знакомства. «Чердак» был храмом Мельпомены. Грибоедова театр также интересовал.

Его первым литературным опытом был перевод с французского пьесы «Молодые супруги» (1815). Опыт оказался удачным — пьеса увидела свет. Петербургские журналисты одобрительно встретили начинающего автора. В числе благожелательных откликов появилась и короткая рецензия в «Северном

тябре 1817 года он — раздражение и возмущение водят его пером — лишет стихотворную «фацецию», где резко обрушивается на «Загоскина-наблюдателя», который «обо всем исправно вздор и говорит и пишет». Журналы тех лет то и дело печатали эпиграммы и фельетоны, но грибоедовскую «фацецию» ни один редактор опубликовать не решился.

Жажда реванша у Грибоедова была настолько сильна, что он заказывает списки «фацеции» и вместе с друзьями распространяет их в театре во время антракта. Публике памфлет доставил немало удовольствия.

Даже при самом беглом взгляде на этот эпизод кажется странным, почему Грибоедов так рассердился на невинную рецензию. Восемью годами позже, когда вокруг «Горя от ума» закипит ожесточенная полемика, он сохранит полнейшее хладнокровие. Но, может быть, в первом случае все объясняется молодостью драматурга? Ведь ему шел только двадцать второй год...

Нет. Имелась более серьезная причина. В том же «Северном наблюдателе» тремя месяцами ранее появился фельетон «Знаюки, или История одного дня», подписанный псевдонимом «Житель Лиговского канала». Столичный литературный круг был тесен, и Грибоедов мог без особого труда выяснить, что псевдоним принадлежал Загоскину.

А заинтересовался он псевдонимом потому, что увидел в фельетоне свой портрет. Начиная фельетон с описания литературного вечера, где всеобщее внимание приковывает к себе некий «отрок-мудрец». Он неутомимо опровергает ходячие мнения, делится оригинальными мыслями. «Самые упрямые спорщики должны были с ним согласиться... никто не смел ему противоречить. «Он знает по-гречески и по-латыни», — шептали мои соседи; а как можно спорить с человеком, который читает в подлиннике Омера и находит неправильные стихи в Горации и Ювенале».

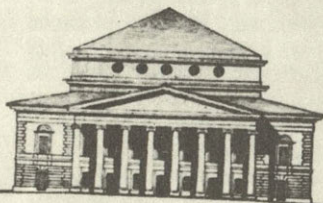
«Отрок-мудрец» ниспровергает незыблемые отечественные авторитеты, каждый раз подтверждая свое суждение доказательствами. Как ни старался рассказчик опровергнуть оратора, это ему не удавалось. «Большая часть гостей взяли стороны моего противника, и я должен был замолчать поневоле. Разговор переменялся: стали говорить о художествах; молодой литератор пустился судить о скульптуре, живописи и архитектуре с такою же благородной смелостью, с какою говорил о словесности. — «Боже мой! — сказал я, севши в одном уголку подалее от прочих гостей, — боже мой! как бы было хорошо, если б этот молодой человек не знал чего-нибудь».

Среди литературной молодежи того времени только двое могут быть уподоблены герою фельетона — П. А. Катенин и А. С. Грибоедов. Гвардейский офицер Катенин был признанным вожакom литературной молодежи. Он не только обладал замечательным даром речи, но и уже проявил себя как поэт и знаток театра... Они оба блестяще владели несколькими языками (в том числе латынью и греческим), оба отличались энциклопедической образованностью, оба были признанными ораторами.

Однако кандидатуру Катенина следует отнести прежде всего потому, что герой фельетона решительно не признает столпов классицизма — Расина, Корнея, Мольера. Это программа Грибоедова, недовольного тем, что

РУССКАЯ ТАЛАН.

1825.

Санктпетербургъ.

наблюдателе» (1817, № 15), написанная М. Н. Загоскиным. Критик находил, что перевод «гораздо лучше» подлинника. Отметив несколько слабых строк (и действительно — к поэтическим находкам отнести их никак невозможно), рецензент закончил статью расхожей цитатой:

«Такие, граф, стихи
Против поэзии суть тяжкие грехи».

Однако почти любой начинающий автор воспринял бы эту рецензию как знак одобрения. Да так оно, в сущности, и было. Но Грибоедов отреагировал совершенно иначе. В сен-

они «вклеили свои дарования в узкую рамочку трех единств». Катенину же творчество Расина и Корнелия казалось непреходящей ценностью. Он переведил многие их пьесы, причем тогда, когда приверженцев классицизма можно было пересчитать по пальцам.

Загоскин в своем фельетоне дал шаржированное изображение Грибоедова. По-человечески это понятно. Блестяще образованный светский юноша не мог не вызывать зависти провинциала, совсем недавно перебравшегося в столицу. Да и литературные их взгляды были совершенно различны. Но обаяние Грибоедова оказалось настолько сильным, что незаметно для себя Загоскин вместо карикатуры создал чуть ли не сочувственный портрет «отрока-мудреца». Хозяин салона говорит о нем: «У него такие таланты, такие дарования! О чем с ним ни говори, он все знает, и знает, верно, лучше того, с кем говорит.— О! Он преученный и преемный молодой человек».

Грибоедов, который «не любил, чтобы его затрагивали», по отзыву современника, «был скромн и снисходителен в кругу друзей, но сильно вспыльчив, заносчив и раздражителен, когда встречал людей не по душе... Тут он готов был придрататься к ним из пустяков, и горе тому, кто попадался к нему на зубок... тогда соперник бывал разбит в пух и прах, потому что сарказмы его были неотразимы».

Искра попала в порох. Выбрать оружие мести Грибоедову было легко: совсем недавно на петербургской сцене шла пьеса Загоскина «Богатонов, или Провинциал в столице». Ее и избрали Грибоедов и Катенин своей мишенью — в течение двух недель (именно таков промежуток времени от момента появления в «Северном наблюдателе» фельетона — конец второй декады июля — до отъезда Катенина из Петербурга 5 августа) «в четыре руки» была написана комедия «Студент», пародирующая пьесу Загоскина.

Дабы у зрителей не возникло сомнения, против кого направлен «Студент», соавторы полностью сохранили сюжетную схему «Богатонова...»: взбалмошный и недалекий отец семейства хочет выдать дочь («Студенте» — воспитанницу) за удобного ему жениха, который никакими достоинствами не блещет; но в результате женских интриг свадьба расстраивается, а девушка соединяется с возлюбленным. Грибоедов и Катенин не поскупились на намеки, прямо указывающие на Загоскина, которого они вывели в образе Беневоляского. Загоскин долгое время не ладил с пунктуацией, но чужие промахи в языке подчеркивать любил. Отсюда и ироническое назначение потерпевшего фиаско на поэтическом поприще Беневоляского корректором.

«Студента» не удалось ни поставить, ни напечатать, потому Грибоедов, не привыкший прочтаться насмешек, не поленился сочинить «фацицию» и распространить ее в публике.

Фельетон Загоскина, причинивший Грибоедову неудовольствие, для историков литературы явился приятным сюрпризом. Ведь благодаря ему мы получили представление о литературных взглядах драматурга в самом начале его творческой биографии.

«Карбонарий» Двинский

Почти пять лет (1818—1823) провел Грибоедов вдали литературных битв и журналь-

ных схваток. Но Северную Пальмиру он покинул не по своей воле: это была замаскированная ссылка, наказание за участие в дуэли в качестве секунданта. Грибоедова назначили в Тифлис, в штаб генерала Ермолова, «по дипломатической части». Жизнь дипломата на Востоке была далека от салонов и театров. Зато в «немирной» еще Грузии он не раз мог своими глазами видеть, как пороховой дым застилает ущелья, как звенят, скрещиваясь, клинки, как косит узнены и казаков свинец... Правда, теперь уже «секретарь странствующей миссии» не терял хладнокровия ни в какой ситуации.

ХІV. ПІЗЬ КОМЕДІИ: ГОРЕ ОТЬ УМА.

ДѢЙСТВІЕ І. ЯВЛЕНІЕ 7.

Софія Павловна (*), Лиза (**), Чацкій (***)

Чацкій.

Чуть свѣшь, ужь на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.

(съ жаромъ цѣлуетъ руку)

Ну, поцѣлуйте же. Не ждали? говорите:

Что жъ, ради? Нѣтъ? Въ лице мнѣ посмошрпше.

Удивлены? И только? Вошь пріежь!

Какъ будпо не прошло недѣли,

Какъ будпо бы вчера, вдвоємъ

Мы мочи нѣтъ другъ другу надобли.

Ни на волосъ лъбви! куда какъ хороши!

И между пѣмъ, не вспомнюсь, безъ души

Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря.

Верснъ больше семи сошь пронесся; вѣсперь, буря.

И расперялся весь, и падалъ сколько разъ.

И вошь за подшги награда!

(*) Дочь богатаго Московскаго жишелл.

(**) Служанка.

(***) Молодой человекъ, возвратившійся изъ путеше-
шесствіа, воспитанный вѣстѣ съ Софією.

17

Вернувшись на родину, он около года прожил в Москве. В Петербурге Грибоедов появился только в начале лета 1824 года. В «белокаменной» судьба свела его с молодым князем-любомудром В. Ф. Одоевским, философом и писателем. Одоевский был моложе Грибоедова почти на десять лет, но столь же страстно предан искусству. Мимолетное знакомство очень скоро переросло в дружбу.

Как раз в это время Одоевский вместе с лицейским другом Пушкина В. К. Кюхельбекером, уже зарекомендовавшим себя как поэт и критик, предпринимают издание альманаха «Мнемозина». С Кюхельбекером Грибоедов

Первая публикация отрывка из «Горя от ума»

был коротко знаком по Тифлису, ему в числе первых читал еще не завершенное «Горе от ума».

Появление Грибоедова в Петербурге стало событием в литературной жизни столицы. «Сотни лиц» желали послушать чтение новоявленной комедии. Сам прославленный Шаховской признал себя побежденным.

Светила всегда привлекают к себе спутников. Одним из первых в число знакомых Грибоедова поспешил записаться и Ф. В. Булгарин, недавно вступивший на поприще журналистики и на первых порах старательно демонстрировавший свой «либерализм». Булгарин вознамерился создать Грибоедову рекламу, чтобы заслужить его расположение. В своем журнале «Литературные листки» он поместил фельетон «Литературные призраки», в котором автор «Горя от ума» фигурировал под именем «истинного литератора» Талантина. Едва возникнув на литературном небосклоне, Талантин затмевает собой дилетантов, уверенных, что истинному «артисту» «науки вовсе не нужны». Талантин же, напротив, декларирует обширную программу образования, необходимого, чтобы стать настоящим писателем и «совершенно постигнуть дух русского языка».

В. Ф. Одоевский, прочитав фельетон Булгарина, воспринял его как симптом перехода Грибоедова в новый литературный лагерь, и посчитал нужным откликнуться на это. Булгаринскому фельетону Одоевский противопоставляет свой собственный — «Последствия сатирической статьи», напечатанный в третьей книжке «Мнемозины». Склонный к философской утонченности, князь прибег в своем сочинении к столь сложной системе тайнописи, что подлинный смысл его выступления вряд ли оказался доступен кому-либо, кроме самого Грибоедова.

В «Последствиях сатирической статьи» изображено несколько моментов из жизни некоего Двинского. Уже сама эта фамилия косвенно указывает на Грибоедова, напоминая о его пребывании в Белоруссии в 1813—1814 годах. Именно Двина прочнее всего ассоциировалась в сознании читателя того времени с западным театром военных действий 1812 го-

да. На Двине русские войска под командованием П. Х. Витгенштейна нанесли удар войскам Сен-Сира и преградили им доступ к Петербургу.

Имя Двинского — Ипполит — также относится к разряду «говорящих»: в переводе с древнегреческого оно означает «запугающий коня». Но какое это имеет отношение к Грибоедову? Самое прямое: он, находясь на военной службе, был адъютантом генерала А. С. Кологривова, занимавшегося формированием кавалеристских резервов. Девятнадцатилетний Грибоедов даже напечатал в 1814 году в «Вестнике Европы» статью «О кавалерийских резервах».

Конечно, в литературе первой четверти XIX века, да и позднее тоже, фамилии вроде Двинский, Брянский, Минский встречаются сплошь и рядом. Выбор фамилии мог бы быть простой случайностью. А вот сочетание ее с таким именем случайностью назвать уже трудно, тем более что и другие подробности свидетельствуют о преднамеренности автора фельетона.

Среди поступков Двинского упомянут один, казалось бы, не слишком важный для его характеристики и явно не нужный для повествования: «Он собрался духом и в одном из периодических изданий напечатал статью, в которой, высказав свое беспристрастное мнение о русских писателях, порядочно посмеялся над слепыми их подражателями». Здесь Одоевский дает в руки читателя кончик путеводной нити по лабиринту своего сочинения. Имеется в виду статья Грибоедова «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» (1816), в свое время вызвавшая разноречивые толки и запомнившаяся в литературных кругах. Пушкин даже в 1833 году ссылается на нее в отклике на «Сочинения и переводы Павла Катенина». Возникает в фельетоне и прямая переключка с «Горем от ума»: в светских салонах Двинского несколько раз величают «карбонарием» — как Фамусов Чацкого.

Вероятно, каждому приходилось встречать картинки, меняющие свой смысл в зависимости от перестройки нашего восприятия. Только что вырисовывался силуэт античной

вазы, но вот произошел какой-то незаметный сдвиг, и ваза сменилась двумя профилями. Нечто подобное таит в себе и фельетон Одоевского. Современный читатель, скорее всего, воспринял бы «Последствия сатирической статьи» как материал, поставленный в альманахах «на затычку», для заполнения объема, тем более что фельетон был представлен в заголовке как «отрывок из романа, который скоро представится на суд публики».

И все-таки нужны более точные доказательства. И они есть. В черновой рукописи фельетона, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Одоевский вычеркнул одну фразу, которая все же поддается прочтению: «Обманутый любовницей, обыгранный друзьями, оклеветанный дядей». Здесь содержится намек на сердечное увлечение Грибоедова, от которого он, по собственному признанию, «в грешной... жизни чернее угля выгорел». Дядя его, А. Ф. Грибоедов, вполне мог пустить какой-либо порочащий племянника слух, ибо, по отзыву последнего, он «как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных (т. е. находящихся «в случае», в фаворе.— В. М.) людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями». Уж не потому ли Одоевский и исключил эту фразу из белого текста, что она слишком уж прямо указывала на Грибоедова?

Фельетон Одоевского в московском альманахе должен был доказать петербургским литераторам, что они плохо поняли Грибоедова. У Булгарина Талантин выглядит прежде всего ученым, а не художником, причем ученым-педагогом, свысока поучающим бездарных сочинителей; о Грибоедове как о писателе сказано очень коротко и с чужих слов.

Двинский куда сложнее и глубже Талантина. Одоевский видит в нем наряду с мыслителем и художником человека «с твердым, правдивым характером, который навлек на него хлопотливую злобу благородной черни», его взгляды представляют опасность для всего общества «староверов».

Расхождение между Одоевским и Булгариним не сводилось только к оценке личности Грибоедова. Булгарин, встревожившись, что

«Мнемозина» станет конкурентом его изданий, начал травить в печати детище Одоевского и Кюхельбекера. Одоевский как мог парировал его наскоки. Грибоедов, вначале наблюдавший за этой схваткой со стороны, вскоре решил, что настало и ему время определить свою позицию в полемике, невольным виновником которой он стал.

После долгих размышлений он пишет Булгарину письмо, предлагая прекратить начавшееся было знакомство. «Мои правила,— заявил Грибоедов,— правила благопристойности и собственное к себе уважение не позволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной, или во всяком случае слишком предускоренной».

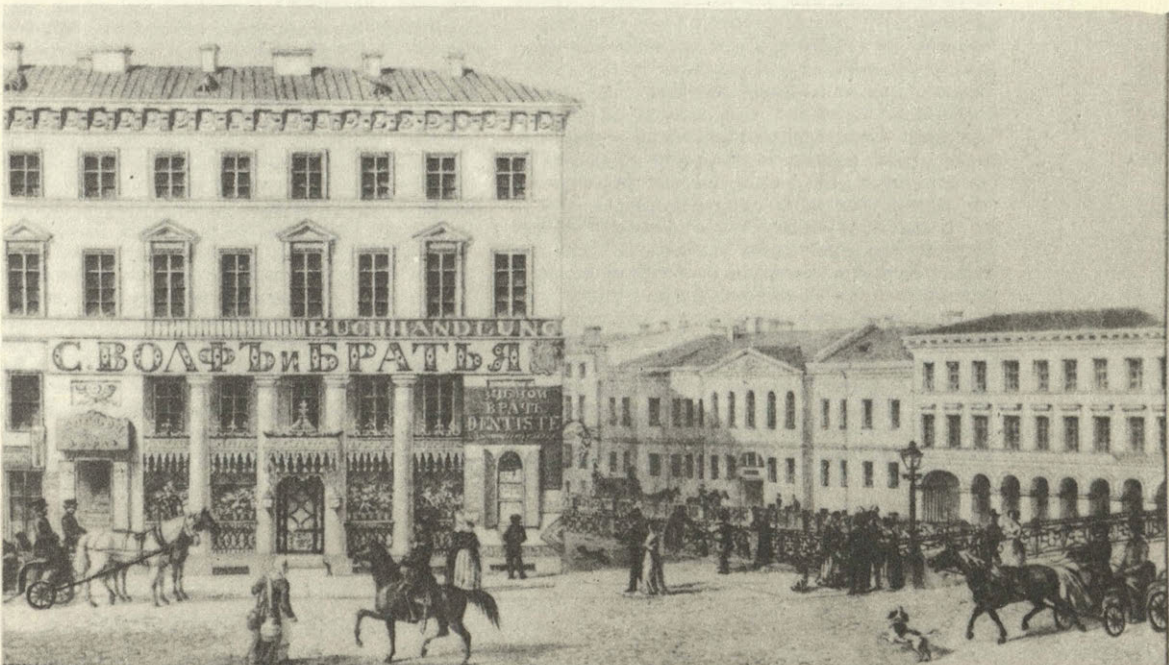
Интересно, что несколькими месяцами ранее Булгарину пришлось выслушать точно такую же отповедь — К. Ф. Рылеев, чьего «Войнаровского» издатель «Литературных листков» так же безудержно расхваливал в печати, отверг «предускоренную» лесть и сообщил о разрыве отношений. Послание Грибоедова и по духу, и по тону очень близко письму Рылеева. Волей-неволей напрашивается предположение, что автор «Горя от ума» узнал об этом шаге Рылеева от него самого: Булгарину, естественно, не было расчета извещать кого бы то ни было о подобном «афронте». Грибоедов же, «копируя» Рылеева, тем самым усиливал звучание своей отповеди, подчеркивая свою солидарность с теми, кому претило искательство Булгарина.

Реакция Грибоедова для Булгарина оказалась громом среди ясного неба. На письме драматурга булгаринской рукой сделана приписка: «Грибоедов в минуту сумасшествия». Ему было невдомек, что «помешательство» это имело свою логику, логику чести.

Ижорский

Два человека произвели на Кюхельбекера неизгладимое впечатление: Пушкин и Грибоедов. Последний, пожалуй, даже более сильное. Незадачливый Кюхля, чья порывистость и экстравагантность многим казались смешными и странными, нуждался в друге, которому можно было поверить думы и чувства. Таким

Грибоедовский
Петербург

другом и стал для него Грибоедов. Кюхельбекер полностью принял литературную программу Грибоедова и стал ее горячим защитником.

Грибоедову посвящено несколько стихотворений Кюхельбекера. В ссылке (как один из активнейших участников восстания 14 декабря Кюхельбекер был вначале приговорен к смерти, а потом сослан на каторгу) он часто вспоминал о друге и всегда — с неизменной любовью и уважением. В 1822 году он начал сочинять поэму «в восточном вкусе», главным героем которой должен был стать Грибоедов. Но поэме не суждено было завершиться: она обрывается как раз на том месте, где перед читателем должен был появиться Исадер — Грибоедов. Эти факты известны любому историку литературы.

Но почему-то осталось незамеченным то, что Кюхельбекер воплотил свой замысел в скрытой форме в стихотворной драме «мистерии» «Ижорский». «Мистерия» создавалась долго и трудно. Первая ее сцена появилась в журнале «Сын отечества» в 1827 году, а две первые части «Ижорского» Пушкину удалось провести через все цензуры и напечатать отдельным изданием только в 1835 году, конечно, без указания имени крамольного автора. Третья, заключительная часть была закончена еще через шесть лет, а напечатана впервые почти сто лет спустя.

Не надеясь увидеть «Ижорского» опубликованным, Кюхельбекер писал, что называется, «для себя». Пьеса населена самыми фантастическими существами разных рангов и национальностей: здесь и русские Шшимора и русалки, и Иранский див, феи и Пери, и даже заимствованные у Шекспира Ариэль и Титания.

Ощутими в «Ижорском» и многочисленные реминисценции из русских писателей, особенно из «Горя от ума»; даже стих пьесы местами явно ориентируется на комедию Грибоедова.

Характер Ижорского сугубо романтичен. Герой отмечен умом, талантом, гордой и непреклонной волей, он намного выше окружающих, но все это лишь влечет его к гибели.

Но, читая «мистерию», ловишь себя на мысли, что многие моменты биографии героя слишком реалистичны для романтического произведения, да к тому же детали эти иной раз не очень увязаны со всем ходом событий.

Управитель Ижорского сообщает, что в детстве его господин отличался «пылкими чувствами» и «рвением к делам всем благородным». Юношей он «вступил в службу» и отправился за границу. Студента Грибоедова любовь к отечеству побудила в 1812 году вступить корнетом в Иркутский гусарский полк, хотя надежды молодого офицера на заграничный поход не осуществились — дальше Белоруссии полк не пошел.

Ижорскому около 30 лет. Как раз 30 лет исполнилось Грибоедову в январе 1825 года, в конце которого Кюхельбекер с пистолетом в руке вышел на Сенатскую площадь.

Ижорский провел пять лет в путешествиях, побывав в Италии, Греции, Египте, Индии и в «Иране золотом». Пять лет (1818—1823) провел в странствиях по Востоку и Грибоедов. Правда, он не был ни в Европе (собирался дважды, но поездки не состоялись), ни в Индии, ни в Египте. Однако частые упоминания Ирана в «мистерии» явно наводят на

мысль о Александре Сергеевиче Грибоедове.

Об Ижорском говорят как о философе и филантропе. Интерес Грибоедова к философии известен. С полным основанием его можно назвать и филантропом: он не раз предпринимал попытки облегчить участь ссыльных декабристов А. И. Одоевского, А. А. Бестужева, А. А. Добринского и самого Кюхельбекера, которому помогал и деньгами.

Ижорский обладает влиятельной родней и «множеством связей». Семья Грибоедова состояла в прямом или отдаленном родстве или знакомстве со многими влиятельными и знатыми фамилиями.

В смятении чувств Ижорский бросается к фортепьяно и перекладывает свои переживания на язык музыки. Грибоедов, по отзыву М. И. Глинки (а ему нельзя не доверять), был «отличный музыкант»: два грибоедовских вальса исполняются и в наши дни.

Обращают на себя внимание и такие эпизоды:

К нему, как волны ко скале кремнистой,
Толпа текла из города всего...

Ижорский, заявлявший, что на родине его никто не ждет, вдруг вспоминает о каких-то единомышленниках, чьих убеждений он прежде полностью не разделял:

К высоким чувствам, к энтузиазму я
Надменное вялял пренебреженьем...
Всегда ли прав я был? — Опроверженьем
Вы, незабвенные мои друзья,
Вы, полные непоколебимой веры,
Вы, чистые до двери гробовой,
Господь свидетель! — вы не лицемеры;
И не безумцы вы...

В первом эпизоде угадывается лето 1824 года, когда Грибоедов и его комедия были в центре внимания, когда «сотни лиц» мелькали перед его глазами. «Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет», — писал он С. Н. Бегичеву. «Незабвенные друзья» — конечно же, декабристы, подвиг которых не мог оставить Грибоедова равнодушным.

Ижорский не раз «бросался в дикий бой, в неистовую оргию сраженья». В мемуарах К. А. Полевого приводится рассказ Грибоедова о том, как он, чтобы побороть страх, сознательно подставлял себя под вражеские пули и добился своего — потом «не робел ни от какой военной опасности».

Ижорский в прошлом пережил тяжелую любовную драму. Мы знаем, что испытал ее и Грибоедов. Ижорский дорожит собственным мнением — «витийствует, поет иеремиады; не хуже, чем покойник Ювенал, ругает дураков, злодеев наповал». Душа его бежит «всех вялых скорбей, пошлых наслаждений». Разочаровавшись в жизни, он помышляет о самоубийстве. Грибоедов пишет 12 сентября 1825 года «душе и брату» С. Н. Бегичеву: «Сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди». В другом письме от 16 апреля 1827 года читаем: «В обыкновенные времена никуда не гоюсь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа чертвеет, рассудок затмевается, и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща». Ижорский, как и Грибоедов, погибает от клинка религиозного фанатика.

Есть в «мистерии» и своеобразный автопортрет Кюхельбекера: пылкий и самоотверженный юноша-поэт Веснов пользуется особой заботой и покровительством своего кумира Ижорского. Таковы были и реальные взаимоотношения Кюхельбекера и Грибоедова.

Однако в Ижорском нельзя видеть лишь зеркальную копию автора «Горя от ума». В литературном герое подчеркнуты неприятные общечеловеческие моральные ценности и эгоцентризм, чуждые Грибоедову. Вероятно, на подобную трактовку повлияли мемуары Булгарина о Грибоедове. Не случайно (и опять вне связи с действительным) в «Ижорском» возникает фигура продажного журналиста Фирилина, в которой угадывается редактор «Северной пчелы» Булгарин, «Видок Фиглярин», как прозвал его Пушкин.

Образ романтического бунтаря противопоставлен нравственно и политически «благонамеренному» изображению Грибоедова в булгаринских «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове», появившихся в январском номере «Сына отечества» за 1830 год и несомненно ставших известными Кюхельбекеру. Именно весь этот год он трудился над второй частью «Ижорского».

Кюхельбекер был лишен возможности вступить за Грибоедова публично. Но и оставить писания Булгарина без ответа было выше его сил. Вот почему он прибег к потаенному способу полемики, скрыв свою версию личности Грибоедова как бы в шкатулке с двойным дном — в надежде, что хотя бы близкие автору «Горя от ума» люди разгадают его тайнопись. Однако этого не случилось, так как третья часть «Ижорского», где завершались все «своды», осталась неизвестной современникам.

«Директор совести»

Просматривая в ЦГАЛИ материалы, связанные с окружением Грибоедова, я натолкнулся на писарскую копию трагедии А. А. Жандра «Петр I». Жандр был другом и соавтором Грибоедова — в 1818 году они вдвоем выполнили вольный перевод французской комедии «Притворная неверность», пользовавшийся успехом. Трагедия Жандра довольно интересна, вот только к Грибоедову это никак не относится... Впрочем, что это?

На листе 69 текст прерывается «Таблицей, показывающей в каждом месяце несчастливые дни, в которые не должно ничего начинать». Занятно, но и здесь Грибоедов ни при чем. Признаюсь, что не удержался и посмотрел, не относится ли день, проведенный в читальном зале ЦГАЛИ, к числу несчастливых. Оказалось, что все в порядке.

И действительно, таблица не подвела. Сразу же вслед за ней помещено стихотворение «Портрет ————— * * *»:

И муж совета и гостиний,
И знает свет — и семьянин,
И юн душой — и взор орлиный,
И всеобъемлющ — и один.

То речью вас влечет мятежной,
И тесны жизнь и мир ему,
То смотрит он на вас небрежно,
Предпочитая лень всему.

То светским он пленяет тоном,
Кружит всем голову подчас,
То поглядит на вас Катонем
И пробуждает совесть в вас.

То весь в делах — то мимик чудный,
И суевер — и гонит тьму.
И все его — ничто не трудно,
И лица все к лицу ему.

То все постиг — миры и лета,
То в настоящем заключен,
Иль сладким вымыслом поэта
Заговорит вам душу он.

То правых он опорой станет,
Корысть и злобу разгромит —
То человек и в нем проглянет,
То Дон Жуан, то Аристид.

К нему богат — к нему убогий,
Ему молить — ему внимать.
И всем готов — во имя бога —
Он руку помощи подать.

И патриот — и ум всеродный,
Но вечным он примером вам
Готов за правду всенародно
Призвать на сильных стыд и срам.

И снова гость желанный света,
И многим речь его — закон.
И острый ум — и муж совета,
Директор совести мне он.

Даже на основании тех только данных, что уже известны читателю этой статьи, напрашивается вывод: «Портрет...» списан с Грибоедова. И все же лишние доказательства никогда не вредят. Попробуем сравнить «Портрет...» с известным местом «Памятных записок» декабриста П. А. Бестужева. Мемуарист говорит о благородстве Грибоедова, о возвышенной душе его и патриотизме, о заступничестве перед царем «в пользу людей, при одном имени коих бледнея оскорбленный властелин». «Единственный человек сей кажется выше всякой критики, и жало клеветы притупляется на нем. Ум от природы обильный, обогащенный глубокими познаниями, жажда к коим и теперь не оставляет его, душа, чувствительная ко всему высокому, благородному, героическому. Правила чести, коими б гордились оба Катона; характер живой, уклончивый, кроткий, неподражаемая манера приятного, заманчивого обращения, без примеси надменности; дар слова в высокой степени; приятный талант в музыке; наконец познание людей делает его кумиром и украшением лучших обществ».

И в стихотворении Жандра перечислены грани широкой «протеической» природы Грибоедова, которого Жандр искренне любил и чтит. Наставник в искусстве и научных занятиях, друг и «директор совести» — таким был в его жизни Грибоедов.

Как бы ни относились к Грибоедову те, с кем довелось ему встречаться на жизненном пути, они не могли не ощутить его выдающихся ума и одаренности, благородства и сильного характера. Да и могло ли быть иначе? Человек с мелкой душой и шаткими моральными устоями не сумел бы создать «Горе от ума».